

нія, но эмигрантскій жизненный строй до известной степени насъ спасаетъ.

Мы живемъ, если не въ состояніи войны, то и не въ обычныхъ условіяхъ нормальной европейской жизни, гдѣ область повседневнаго долга какъ-то обособляется отъ области долга передъ родиной и передъ Богомъ.

Нашъ обиходъ постоянно напоминаетъ о единствѣ долга; и то же самое, навѣрное, даже еще въ бо́льшей степени, происходитъ и въ Россіи.

Если внимательно вникнуть въ смыслъ судьбы русскаго мужика подъ властью коммунистовъ и судьбы русскаго интеллигента въ изгнаніи, то *нельзя не удивиться цѣлесообразности наложеннаго на каждого изъ нихъ наказанія*. Мужикъ какъ будто въ Россіи, а меньше въ ней, чѣмъ мы зарубежомъ: русскій духъ въ Россіи подъ запретомъ и право дышать имъ приходится ежеминутно отвоевывать. Исполненіе долга къ родинѣ продвинуто внизъ на одну ступень, поставлено наряду съ повседневнымъ домашнимъ долгомъ.

Намъ назначено другое. Лѣзли мы раньше на какую-то новую, косую, умственную Вавилонскую башню; а теперь, когда она повалилась, лежимъ на землѣ и въ мелочахъ жизни Бога находимъ.

Властной рукой Справедливости, русскіе верхи и низы изъ разныхъ темныхъ угловъ мудрствованія, куда они разошлись, возвращены къ началу пути долга и поставлены рядомъ *духовно*; хотя *пространственно* они пока и въ раздѣленіи.

Въ этомъ установленіи одинаковаго пониманія долга, какъ у мужика, такъ и у интеллигента, лежитъ залогъ освобожденія и спасенія Россіи.

Нужно желать и стараться, чтобы и постѣ освобожденія пути пониманія никогда больше не расходились.

Странникъ.

МЕЛКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ РОССІИ.

1. Два освобожденія.

За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ въ Россіи не было вопроса, о которомъ больше говорили бы и писали и который меньше знали бы, чѣмъ русскій «аграрный вопросъ». И доселѣ въ немъ совершенно не разбираются не только иностранцы, но и большинство русскихъ, сущихъ въ разсѣяніи. А между тѣмъ, каждому русскому слѣдовало бы относиться къ вопросамъ, связаннымъ съ землей и съ сельскимъ хозяйствомъ, съ тѣмъ же вниманіемъ и разумѣніемъ, съ которымъ всякій англичанинъ относится къ вопросамъ мореплаванія. Ибо благополучіе Россіи такъ же зависитъ отъ состоянія ея сельскаго хозяйства, какъ существованіе Англій — отъ ея господства на моряхъ.

Нынѣ въ Россіи царить полный развалъ сельскаго хозяйства, земельный хаосъ и общее разореніе ¹⁾). Послѣ революціи русская національная власть, какъ бы она ни сложилась, должна будетъ строить все заново. Ей понадобятся работники и строители освѣдомленные, понимающіе ошибки прошлаго и задачи будущаго. И вотъ все находящіяся въ эмиграціи должны привезти съ собою на родину полезныя знанія и наблюденія изъ разныхъ странъ, чтобы судить о Россіи и русскихъ дѣлахъ, исходя изъ болѣе обширнаго кругозора. Но они должны также вѣрно знать о томъ, *что было въ Россіи и что стало послѣ*. Будущимъ строителямъ русскаго государства и русскаго земледѣлія и посвящаются эти строки.

Русскіе крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости 19 февраля 1861 года со сравнительнымъ «опозданіемъ» по ходу русской исторической жизни на 99 лѣтъ. 18 февраля 1762 года манифестомъ о вольности дворянства дворяне были освобождены съ обязанности служить государству и тѣмъ самымъ отпадала видимая необходимость прикрѣпленія крестьянъ. По мысли Петра Великаго крѣпостное состояніе было формой служенія государству: закрѣпились *всѣ* сословія,—но только различно. Крѣпостной крестьянинъ работалъ на своего помѣщика съ тѣмъ, чтобы дать ему самому возможность отиравлять свою службу, которая въ принципѣ длилась всю жизнь. Логическимъ послѣдствіемъ манифеста 1862 года долженъ былъ бы явиться рядъ правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ постепенному освобожденію крестьянъ. Начало этимъ мѣрамъ положилъ Павелъ I (1797 г.). Однако, въ общемъ и цѣломъ крѣпостное право не только не ослабѣло въ рукахъ освобожденнаго дворянства, но закрѣпилось и перѣдко принимало даже уродливыя формы. Естественно, что сознаніе необходимости покончить съ безправнымъ положеніемъ крѣпостныхъ, стало достояніемъ лучшей части русскаго общества. Русская литература еще съ конца 18-го вѣка неустанно выставляла на видъ моральный вредъ крѣпостного права (Радищевъ, Пушкинъ, Гоголь, графъ Соллогубъ, Н. И. и Н. С. Тургеневы, Григоровичъ и др.). Поучительно однако отмѣтить, что по сравненію съ западомъ отмѣна крѣпостного права въ Россіи (со всеми, вытекающими изъ этого состоянія послѣдствіями) запоздала не такъ сильно. Такъ, напр., крѣпостное право было уничтожено въ Даніи въ 1788 году, но барщина существовала до 1850 года: въ Пруссіи и Баваріи оно было отмѣнено въ 1807—1811 году, въ Мекленбургѣ въ 1824 году: полицейская же и судебная власть помѣщиковъ (съ прагомъ тѣлесныхъ наказаній) существовала почти во всей Германіи до 1848 года: въ этомъ году крѣпостное право

¹⁾ См. во второмъ отдѣлѣ замѣтку Редакціи: «Что дала революція русскому крестьянину?»

было отмѣнено и въ Австро-Венгріи (особенно сурово оно было въ Галиціи) ¹⁾.

Въ Россіи крестьяне были освобождены позже, но сразу и надѣлены землей въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ на Западѣ. Въ общемъ при освобожденіи въ Россіи имѣлось около 22¹/₄ милліоновъ крестьянъ мужескаго пола, изъ коихъ было около 11 милліоновъ крѣпостныхъ, около 10¹/₂ милліоновъ казенныхъ, менѣе одного милліона удѣльныхъ и 137 тысячъ дворовыхъ и депутатскихъ. Только послѣдняя категорія (менѣе одного процента общаго числа) была освобождена безъ земли. Крѣпостные получили 3,2 десятины на душу, казенные 6,4 десятины, удѣльные 5,3 десятины. Въ общемъ у помѣщиковъ было изъято по выкупу около 35 милліоновъ десятинъ, что составляло ¹/₂ *всѣхъ* ихъ владѣній и болѣе половины имѣвшихся у нихъ земель *сельско-хозяйственнаго* назначенія.

¹⁾ Изслѣдователь, который захотѣлъ бы установить причины сравнительно поздней отмѣны крѣпостного права въ Россіи, долженъ былъ бы поставить передъ собою цѣлый рядъ историческихъ вопросовъ: имѣлась ли въ Россіи въ то время достаточно сильная, независимая и сверхсословная власть, необходимая для такой реформы, или тронъ былъ ослабленъ переворотами 1725, 1730, 1740, 1741, 1761, 1801 и 1825 года? былъ ли преодолѣнъ законодательный хаосъ и былъ ли организованъ законодательный аппаратъ, необходимый для такой реформы? были ли сколько-нибудь на высотѣ финансы Россіи? закончился ли періодъ консолидаціонныхъ войнъ, вызвавшихъ къ жизни самое крѣпостное право? возможна ли была такая реформа при отсутствіи въ странѣ интеллигенціи и правосознанія, реформа *безъ* интеллигенціи или *противъ* тогдашней интеллигенціи? не нуждалась ли Россія для проведенія такой реформы въ образованіи, въ университетахъ, въ Сперанскомъ, Карамзинѣ, Пушкинѣ, Жуковскомъ, Грибоѣдовѣ, Гоголѣ и Лермонтовѣ, какъ судьяхъ стараго и воспитателяхъ новаго правосознанія? Государство организуется всегда и всюду образованнымъ классомъ; были ли тогда силы образованнаго класса достаточны хотя бы уже въ количественномъ отношеніи для того, чтобы организовать новый строй? И еще: обнаружилась ли въ то время и когда именно чисто хозяйственная несостоятельность крѣпостного права и смогло ли бы помѣщичье хозяйство при тогдашнихъ условіяхъ зернового рынка управиться безъ дарового труда, наемными силами, когда даже вся Западная Европа пробавлялась барщиной? Изслѣдователь этихъ вопросовъ отмѣтитъ, что декабристы, напр., хотѣли освободить крестьянъ *безъ земли* и увѣичать *пролетаризованную* такимъ образомъ Россію республикой дворянъ-заговорщиковъ; можно представить себѣ, въ какія бѣдствія была бы повергнута этимъ Россія, не забывшая еще Пугачева. Недаромъ Пушкинъ и Гоголь указывали на то, что только полновластный Государь могъ бы дать крестьянамъ настоящую свободу, что впоследствии и совершилось. Это означаетъ, что необходима была предварительная эмансипація русской императорской власти отъ дворянскаго террора, отъ давленія заговорщическаго и притязательнаго дворянства; и въ то же время необходимо было культурное и государственное созрѣваніе самого дворянства. Замѣчательно, что Императоръ Николай I понималъ морально-государственную необходимость реформы и готовлялъ ее въ теченіе своего царствованія (комитеты 1826, 1835, 1839, 1840, 1846, 1848, 1849 годовъ); онъ прямо называлъ крѣпостное право «началомъ зла» и жаловался на свое государственно-политическое одиночество. **Примѣчаніе Редаціи.**

Крестьяне же получили всего около 106 миллионъ десятинъ; въ среднемъ около 14 десятинъ на дворъ.

Подготовительныя къ освобожденію крестьянъ работы совпали съ моментомъ схватки двухъ теченій русской общественной мысли: *славянофиловъ* и *западниковъ*. Къ несчастью Россіи чуть ли единственный вопросъ, по которому у нихъ не было разномыслія — былъ вопросъ о крестьянской общинѣ, за сохраненіе которой горячо ратовали оба лагеря. Славянофилы считали русскій народъ — народомъ избраннымъ, совершенно самобытнымъ: его исконное занятіе — земледѣліе, якобы неразрывно связанное съ общиной; она есть наслѣдіе старины и должна служить и впродъ лучшей соціально-экономической базой, залогомъ самобытнаго развитія Россіи. Западникамъ же сельская община представлялась преддверіемъ къ социализму, зародышемъ будущаго социалистическаго государства. Герценъ слѣпо вѣрилъ въ общину и невѣроятно идеализировалъ ее. Вліяніе же его на русское общественное мнѣніе и даже на правительство въ 50-хъ годахъ и въ началѣ 60-хъ годовъ было огромно. «Только на общинныхъ началахъ и только на нихъ можетъ развиваться будущее Россіи». — утверждалъ Герценъ. — «Умрите за сохраненіе равнаго права каждаго крестьянина на землю!» — восклицалъ Чернышевскій.

Въ Редаціонныхъ Комиссіяхъ теченіе за сохраненіе общины взяло верхъ и Положеніемъ 1861 года она была узаконена; а послѣдующее законодательство и административная практика укрѣпили ее еще сильнѣе. Подъ вліяніемъ славянофильскихъ и социалистическихъ теченій существенно измѣнился и самый характеръ общины. Земледѣльческая община до первой половины XIX вѣка была тягловая (тягло состояло изъ мужа, жены и коня) и цѣль ея заключалась вовсе не въ *обезпеченіи* всѣхъ земель, а въ *хозяйственной эксплуатаціи земли*; и лишь впоследствии она была превращена въ социалистическую, душевую, съ понятіемъ *душевого надѣла*, въ которомъ и заключалась мысль о *правѣ на землю всякой «души», какъ таковой*. Въ подворное владѣніе земля была дана лишь въ двухъ малороссійскихъ губерніяхъ (Черниговской и Полтавской), въ трехъ юго-западныхъ, въ Бессарабіи и частью въ Бѣлоруссіи и Литвѣ.

Съ половины 60-хъ годовъ въ официальныхъ сферахъ крестьянское дѣло совершенно неосновательно считалось вполне законченнымъ и не требующимъ дальнѣйшаго вмѣшательства государства. Таково же было отношеніе и къ сельскому хозяйству вообще. Созданныя въ 1864 году земскія учрежденія, обладавшія тогда весьма скудными средствами, по сравненію съ возложенными на нихъ задачами, занимались почти исключительно народнымъ образованіемъ, медициной и мѣстными путями сообщенія. На экономическую сторону жизни земства стали обращать вниманіе лишь съ конца 80-хъ годовъ, въ большинствѣ же губерній лишь съ начала двадцатаго столѣтія.

Отсутствіе агрономическаго руководства и организованнаго кредита: развитіе сельскаго ростовщичества; полнѣйшая зависимость крестьянина по самымъ жизненнымъ вопросамъ (передѣлъ земли, раскладка повинностей) отъ рѣшенія міра, представляемаго сходомъ всѣхъ домохозяевъ; неправосудіе подкупныхъ волостныхъ судовъ, рѣшеніе которыхъ было окончательнымъ—все это создало для крестьянина общинника невозможныя * условія въ развитіи его благосостоянія. Всеобъемлющая власть помѣщика была въ предѣлахъ крестьянскаго быта замѣнена другой почти столь же всеобъемлющей. По поводу этой замѣны московскіе профессоры В. И. Герье и Б. Н. Чичеринъ писали въ 1873 году: «помѣщикъ перѣдко представлялъ собою угнетеніе, но онъ же представлялъ и попеченіе, міръ же никогда не представляетъ попеченіе, а весьма часто составляетъ искушеніе... Въ чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ всѣ болѣе или менѣе подводятся подъ одинъ уровень, и уровень, вообще весьма низкій. Никто не умираетъ съ голода, но всѣ находятся въ положеніи близкомъ къ нищетѣ и если рядъ болѣе или менѣе урожайныхъ годовъ поднимаетъ иногда общее благосостояніе, то одного неурожая достаточно, чтобы его снова расшатать: а поправляется крестьянинъ не легко».

Итакъ, принципъ «самостоятельнаго свободнаго труда земледѣльца на собственной землѣ», провозглашенный Положеніемъ 19 февраля въ качествѣ основы будущаго соціально-экономическаго строя Россіи, *не былъ проведенъ въ жизнь*.

Въ связи съ этимъ производительность крестьянскихъ земель послѣ 1861 года не улучшилась, а чрезмѣрные налоги падавшіе на нихъ (особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ), значительно превышали чистый доходъ съ земли, что и было установлено правительственной комиссіей 1872 года. Недостатокъ собственной земли, изъ которой не менѣе одной трети находилось подъ паромъ: плохое удобреніе; сокращеніе, вслѣдствіе распашки, луговъ и пастбищъ. — все это заставляло арендовать землю, часто на невыгодныхъ условіяхъ, при системѣ отработки; а эта система мѣшала надлежащимъ образомъ воздѣлывать *свою землю* и затрудняла улучшеніе какъ помѣщичьяго, такъ и крестьянскаго хозяйства. Перѣдко землевладелецъ бывалъ вынужденъ во избѣжаніе обостренія отношеній, соглашаться на подобныя обоюдно невыгодныя сдѣлки, такъ какъ другого выхода не было: населеніе увеличивалось, хозяйства дробились, а фабрично-заводская промышленность до 80-хъ годовъ развивалась слабо и не предьявляла значительнаго спроса на рабочія руки: переселеніе же въ Азіатскую Россію до 1889 г. было запрещено.

Съ начала царствованія Императора Александра III правительство вынуждено было обратить вниманіе на общій упадокъ крестьянскаго хозяйства, особенно въ восточныхъ губерніяхъ;

послѣдствіемъ этого унадка явилось огромное накопленіе недоимокъ. Результатомъ цѣлаго ряда сенаторскихъ ревизій на мѣстахъ, было пониженіе выкупныхъ платежей, отмена подушной подати и соляного налога; но всѣ понимали, что кромѣ этихъ палліативовъ требовались энергичныя мѣры для поднятія уровня крестьянскаго хозяйства. Къ сожалѣнію, ни правительство, ни русская общественность не отдавали себѣ отчета въ томъ, что основное зло заключается въ *отсутствіи у крестьянина граждански упроченнаго права личной собственности на землю*. Само собою напрашивалось исправленіе ошибокъ 1861 года: уничтоженіе, вмѣстѣ съ общиной, кастоваго обособленія крестьянства; учрежденіе всесловной волости; разрѣшеніе крестьянамъ (хотя бы на первое время съ нѣкоторыми ограниченіями) продавать землю; борьба законодательнымъ путемъ съ черезполосицей; способствованіе хуторскому разселенію. Къ несчастью, правительство, съ одной стороны подъ вліяніемъ социалистическихъ ученій вкоренившихся въ умахъ русской интеллигенціи, съ другой стороны — недальновидныхъ псевдоконсервативныхъ соображеній, — пошло совершенно инымъ путемъ. *Увеличеніе крестьянскаго землепользованія*, удовлетвореніе «*земельнаго голода*» было признано самой главной, неотложной задачей. Въ 1882 году былъ учрежденъ Государственный Крестьянскій Поземельный Банкъ, выдававшій покупщикамъ крестьянамъ 90% покупной стоимости земли. Логическимъ послѣдствіемъ этого былъ законъ 1893 г. о неотчуждаемости надѣльной земли, согласно которому всѣ сословія, за исключеніемъ крестьянъ, были лишены права пріобрѣтать какую-либо часть огромной категоріи надѣльной земли, категоріи тѣмъ болѣе значительной, что впоследствии законъ этотъ былъ распространенъ и на нѣкоторыя земли, пріобрѣтенныя въ собственность при содѣйствіи Крестьянскаго Банка.

Послѣдствія этого закона были двоякіе. Съ одной стороны, онъ *задерживалъ образованіе всесловнаго класса мелкихъ земельныхъ собственниковъ*, обладающихъ нѣкоторымъ капиталомъ, безъ котораго *немыслимо культурное хозяйство*. Съ другой стороны, онъ *насилъно прикрѣплялъ крестьянъ къ землѣ*, лишая ихъ возможности, продать землю и посвятить свои силы другимъ отраслямъ промышленности. Общинникъ вообще не могъ продать состоявшую въ его пользованіи землю, а подворный крестьянинъ могъ продать ее только крестьянину же, что значительно ее обезцѣнивало. А между тѣмъ, вслѣдствіе развитія съ 80-хъ годовъ фабрично-заводской и южной горнозаводской промышленности, а также вслѣдствіе большого роста городовъ, среди крестьянъ сильнѣе прежняго обнаружилось влеченіе къ другимъ отраслямъ труда; и по указаннымъ причинамъ оно не могло получить нормальнаго удовлетворенія. Послѣдствіемъ этого явилось образованіе многотысячной

рабочей массы, кочующей между городомъ и деревней; это тормозило — какъ образованіе класса *дѣйствительныхъ землевладельцевъ*, такъ и образованіе класса *квалифицированныхъ рабочихъ*, столь необходимыхъ нашей промышленности.

Сильно страдали отъ этого и *деревенскіе нравы*. Не культура города, а *разнузданность* фабричнаго предмѣстья и шахтъ Донецкаго бассейна проникли въ сельскія мѣстности, лишеныя къ тому же всякой полицейской силы для обузданія хулигановъ. Кошмарную, но вѣрную картину деревенскихъ нравовъ сѣверныхъ губерній, на порогѣ XX вѣка, даетъ И. А. Родіоновъ въ своей пророческой и въ свое время недостаточно оцѣненной книгѣ «Наше Преступленіе».

Съ 1889 г. правительство измѣнило свое отношеніе къ переселенію: оно не только было разрѣшено, но и всемѣрно облегчено. Переселенческая волна, усиливаясь изъ года въ годъ, достигла своего максимума въ 1907 году, когда черезъ Уральскіе перевалы перешло 600 тысячъ душъ. Явленіе это, полезное для развитія окраинъ, не уменьшило, однако, все увеличивавшуюся безработицу среди крестьянъ Европейской Россіи: крестьянство попрежнему не могло использовать всю свою рабочую силу, такъ какъ хозяйство оставалось экстенсивнымъ, а населеніе страны увеличивалось на 2½ милл. въ годъ¹⁾. Всѣ вышеупомянутыя мѣропріятія не могли существенно измѣнить къ лучшему положеніе крестьянъ; крестьяне видѣли спасеніе въ безконечномъ расширеніи площади своего землевладѣнія и, «количественно» понимая аграрный вопросъ, мечтали о поглощеніи и раствореніи помещичьего землевладѣнія. Недовольствомъ ихъ искусно воспользовалась революціонная пропаганда. Въ концѣ 1905 г. въ цѣломъ рядѣ губерній произошли крупныя крестьянскія беспорядки, выразившіеся въ захватѣ частновладѣльческихъ земель, въ разгромѣ усадебъ, хозяйственныхъ построекъ и винокуренныхъ заводовъ, въ массовыхъ поджогахъ, въ бессмысленно жестокомъ уничтоженіи животныхъ. Для восстановленія порядка правительству приходилось прибѣгать къ военной силѣ. Не удивительно, что темная крестьянская масса, подъ вліяніемъ агитаціи, не видѣла другого исхода; но прискорбно, что Государственная Дума, пресса, оппозиціонная общественность, даже большинство профессуры оказались нисколько не дальновиднѣе крестьянъ. Партія народной свободы («кадеты»), гвардія русской интеллигенціи, считала необходимымъ и требовала немедленнаго «принудительнаго отчужденія по справедливой оцѣнкѣ» большей части пахотныхъ частновладѣльческихъ земель. Даже такой выдающийся экономистъ, какъ профессоръ А. И. Чупровъ, поддавался общему гипнозу и въ 1907 году скорбѣлъ о неудачѣ кадетскаго проекта²⁾.

1) Замѣчательный экономическій анализъ этого явленія читатель найдетъ въ № 4 «Русскаго Колокола», въ статьѣ профессора В. А. Косинскаго.

2) См. А. И. Чупровъ: «Мелкое земледѣліе и его основныя нужды».

Нельзя не согласиться съ извѣстнымъ кооператоромъ С. Н. Прокоповичемъ, что для «передовой части русскаго общества» характерна была «симпатія къ... экономическому равенству при недостаточномъ знакомствѣ съ условіями крестьянскаго хозяйства» («Крестьянское хозяйство», Берлинъ, 1924 года). И невольно вспоминаются слова Правительственнаго Сообщенія отъ 21 іюня 1906, въ которомъ тогда еще указывалось и предсказывалось, что отчужденіе всѣхъ частныхъ земель «не увеличитъ крестьянскаго достатка, разоритъ все государство и обречетъ само земельное крестьянство на вѣчную нищету и даже голодъ». Но кто тогда понималъ это и вѣрилъ этому?

Революціонное движеніе 1905 года побудило правительство всесторонне обсудить вопросы сельскаго хозяйства. По инициативѣ предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина, невзирая на энергичныя возраженія части прессы, было признано, что *корень зла въ общинѣ* и что увеличивать благосостояніе крестьянъ слѣдуетъ не путемъ уничтоженія культурныхъ имѣній, необходимыхъ государству, а распространеніемъ началъ частной собственности и культуры на надѣльные земли. Понятно было, что для увеличенія урожайности земля не можетъ передѣляться, а должна быть собственностью земледѣльца. Согласно Высочайшему Указу отъ 9-го ноября 1906 года, превращенному послѣ его одобренія и дополненія законодательными учрежденіями, въ законъ 14 іюня 1910 года, каждый крестьянинъ пріобрѣталъ право не только *выйти изъ общины*, но и требовать *выдѣла* ему къ *одному* мѣсту участка земли, равнаго по цѣнности отдѣльнымъ участкамъ, которыми онъ доселѣ пользовался. Этотъ законъ былъ равносильенъ *новому освобожденію* крестьянъ, но съ тою разницею, что онъ освобождалъ крестьянина не отъ власти помѣщика, а отъ оковъ *соціалистической общины* и притомъ самое освобожденіе ставилъ въ зависимость отъ его собственной воли. Это было право на самоосвобожденіе. Это была ставка на *личную инициативу*, на энергію, на характеръ. Это была ставка на сильнаго и хозяйственно предпріимчиваго крестьянина, которому было тѣсно въ общинѣ: который хотѣлъ частной собственности на землю и *нуждался* въ ней.

Крестьянство отозвалось на этотъ призывъ. Возникло стихійное народное движеніе, но уже не разрушительное, а созидательное. Къ 1-му января 1911 года въ Европейской Россіи свыше 3 милліоновъ крестьянскихъ дворовъ вышло изъ общины: эти крестьяне сдѣлались собственниками 27 милліоновъ десятинъ. Недостатокъ землемѣровъ не давалъ возможности удовлетворять всѣхъ, желавшихъ выйти изъ общины.

Аграрная Россія встала, наконецъ, на вѣрный путь: и жестоко ошибаются тѣ, кто думаетъ, что революція погасила это движеніе. Она его только отсрочила.

Князь Н. Б. Щербатовъ.